

Научная статья

УДК 167.7

<https://doi.org/10.24158/fik.2025.1.5>

Проективность утопии и ее нефальсифицируемость

Александра Марковна Желнова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, zhelnova.am@philos.msu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются различные способы анализа утопий в их неявной связи с принципами рационализма и наглядным проективным характером. В утопиях формируется образ благословенного места, в котором удалось достичь некоего идеала общественного блага. Однако налицо онтологическое и эпистемологическое противоречие, обнаруживающееся в том, что под «местом, которого нет», подразумевается рациональный проект, который следует реализовать. Получается замкнутый круг, в котором утопия, будучи по определению чем-то иррациональным, использует образ идеального общества и желание к нему стремиться и тем самым ищет способы его создания. Пути реализации утопии могут быть описаны вполне логично и целесообразно. Это создаёт проблему для критического обнаружения утопий, поскольку они и способы их реализации могут быть рационально обоснованы. В статье делается вывод о том, что проективный характер утопии вкуче с ее аргументацией к рациональной естественной истории неоднократно приводил к попыткам раз и навсегда разрешить «общественный вопрос».

Ключевые слова: утопия, рационализм, история, проективный характер утопии, ценности, естественное состояние, естественная история, критический рационализм, человек как высшая ценность, железный закон либерализма

Финансирование: исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Желнова А.М. Проективность утопии и ее нефальсифицируемость // Общество: философия, история, культура. 2025. № 1. С. 51–56. <https://doi.org/10.24158/fik.2025.1.5>.

Original article

The Projective Nature of Utopia and its Unfalsifiability

Alexandra M. Zhelnova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, zhelnova.am@philos.msu.ru

Abstract. The article examines various analytical approaches to utopias in their implicit connection to the principles of rationalism and their overtly projective character. Utopias construct an image of a blessed place where a certain ideal of the common good has been achieved. However, there exists an ontological and epistemological contradiction, evident in the fact that the term “a place that does not exist” refers to a rational project that should be implemented. This yields a circular reasoning, where utopia, being by definition something irrational, utilizes the image of an ideal society and the aspiration toward it to seek for ways to create it. The pathways to the realization of utopia can be delineated in a fully logical and purposeful manner. This creates a problem for the critical detection of utopias, since they and the ways of their implementation can be rationally justified. Conclusion dwells upon the fact that the projective nature of utopia, coupled with its argumentation towards rational natural history, has repeatedly led to attempts to resolve the “social question” once and for all.

Keywords: utopia, rationalism, history, projective nature of utopia, values, natural state, natural history, critical rationalism, man as supreme value, iron law of liberalism

Funding: The research was carried out with the support of the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the world cultural and historical heritage”.

For citation: Zhelnova, A.M. (2024) The Projective Nature of Utopia and its Unfalsifiability. *Society: Philosophy, History, Culture*. (1), 51–56. Available from: [doi:10.24158/fik.2025.1.5](https://doi.org/10.24158/fik.2025.1.5) (In Russian).

Тема утопии, на первый взгляд, не представляется актуальной. Мы живем в эпоху культуры, предпочитающей ценности прагматизма, здравого смысла и реальной достижимости поставленных целей. День ото дня возрастает авторитет прикладной науки, реализующей мечты человечества о бесконечном прогрессе и приближении к жизни в обществе благоденствия, он незыблем и не подлежит сомнению. Наука же, в свою очередь, берет истоки из того, что мы понимаем под рационализмом. Но и такая наука может рассматриваться как социальное явление, и рационализм ее реализуется в общественных проектах. Согласно рационализму, «истинными основаниями бы-

тия, познания и поведения людей являются принципы разума»¹. Эти принципы одинаково эксплицированы как в теоретическом, так и практическом пространстве знания, которые изначально различны. Средневековая двойственность в интерпретации рационализма демонстрирует амбивалентность этого принципа. В эпоху главенства духовных ценностей над прагматизмом рационализм проявляется в текстах не только позднего Средневековья, но и у апологетов идеи первичности веры по отношению к разуму Климента Александрийского и Августина Блаженного².

Исторически соотношение теоретического знания и практики изменялось. Идея рациональности доминирует над способами реализации знания на практике. Если заглянуть в более раннюю эпоху Античности, то при первом приближении авторы декларируют приоритет мышления человека над чувствами. Аристотель выделяет знание творческое, практическое и теоретическое. Внутри последнего он превозносит философию за ее ненужность в практической жизни и за то, что «все другие науки более необходимы, нежели она, но лучше – нет ни одной» (Аристотель, 1934).

Первая философия, раскрывая метафизическую сущность бытия, не имеет проективного характера. Предмет высшей теоретической мысли в эту эпоху отделяется от практических задач. Однако среднее положение занимает древнегреческое *techne*, соединяя в себе ремесленную практику и этически-теоретическое знание того, как *правильно* практиковать (как сделать в согласии с истинным). Оно находится между высокой теорией и прикладной сферой деятельности. Обучение юноши этически обусловленному «искусству соизмерять» (метод определения правильности поступка, похожий на арифметику), по мысли Сократа, помогает воспитать в нем мужество. В диалоге «Протагор» он открывает две стороны знания: теоретическую и практическую. Знание обретает практическое значение. Понимание добродетели лежит одновременно через *техне* (искусство) и эпистему (знание)³. Благими намерениями объясняется создание высокого образца общества в «Государстве» Платона, которое, на первый взгляд, не имеет проективного характера⁴.

На обывательском уровне понятие «утопия» связано с чем-то бессмысленным и химерическим. Одновременно с этим нельзя отбросить ее проективный характер. Утопия полагается, с одной стороны, как химера, а с другой – строится на рациональных принципах и задумывается как проект. Имея целью создание утопических проектов, мыслитель действует вполне рационально и строит утопию на рациональных принципах. Рациональность – это культурная ценность, а, следовательно, она имеет иррациональное ядро, само себя подтверждающее и самопротиворечивое. Она должна быть рассмотрена прежде всего как ценность культуры, а не как эталон истины или пути к ней.

Благая идея, в основании которой лежат идеалы добродетели и рациональные принципы, может оказаться утопией. Способы проверки утопических проектов и конструктов методами рационального критицизма, с применением принципа фальсифицируемости, сами нуждаются в логическом анализе и не являются аргументом в современной философии науки, поскольку «понимание рациональности, критицизма, того, что является убедительным аргументом, зависит от конкретно-исторического контекста» (Лекторский, 1996: 11).

Однозначно противопоставить утопию и рационализм или придать последнему статус панацеи не удастся. Внимательный анализ утопических произведений показывает их связь с идеями рационализма. Например, во второй части «Утопии» Томаса Мора главный герой («Рафаэль Гитлодей: Рафаэль – это имя, которое отсылает к иудео-христианской традиции: архангел Рафаил – исцелитель, покровитель путников... фамилия Гитлодей имеет совершенно другой смысл – торговец чепухой»⁵) рассказывает об устройстве некоего совершенного общества. Его отличительными свойствами являются отказ от частной собственности и «копора на естественное состояние»⁶.

¹ Порус В.Н. Рационализм // Новая философская энциклопедия : в 4 т. М., 2001. Т. 3. С. 243–281.

² Можно указать на двойственность позиции Августина. «Опираясь на разные стороны его философии, последователями Августина могли объявлять себя и «рационалист» Ансельм Кентерберийский, и мистик Бернар Клервосский, и картезианец Мальбранш, и критик рационализма в теологии Паскаль». См.: Майоров Г.Г. Формирование средневековой философии (латинская патристика). М., 1979. С. 271.

³ «Искусство ли измерять, или какое другое искусство почли бы люди спасением жизни? – Искусство измерять, – отвечал Протагор, – не знание ли, не мера ли, как средство определять избыток и недостаток? И так как это искусство имеет дело с равным и неравным, то не арифметика ли? Люди, вероятно, подтвердили бы это, или нет? – Конечно, подтвердили бы, – отвечал Протагор, – ...усиливаешься доказать, что все виды добродетели, – и справедливость, и рассудительность, и мужество, суть знание; но ведь отсюда следует, что все они могут быть предметом науки». См.: Сочинения Платона, переведенные с греческого и объясненные профессором Карповым : в 6 т. СПб., 1863. Т. 1. С. 129.

⁴ «Хотя Платон ясно отдает себе отчет в том, что он изображает, прежде всего, идеальный образец, а не пишет проект реформы для конкретного полиса, он все же должен показать, что речь идет о чем-то таком, что в принципе может быть осуществлено». См.: Бугай Д.В. Единство платоновского «Государства». М., 2016. С. 245.

⁵ Локшин И. Утопия Томаса Мора [Электронный ресурс] // Postnauka. URL: <https://postnauka.org/video/157261> (дата обращения: 29.02.2024).

⁶ Thomas More [Электронный ресурс] // Stanford Encyclopedia of Philosophy. 15.11.2023. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/thomas-more/#Uto> (дата обращения: 29.02.2024).

Стэнфордская энциклопедия по философии, анализируя это произведение английского гуманиста, отсылает нас к Цицерону и его трактату «Об обязанностях», где он пишет об узлах рациональности, объединяющих человечество и дающих общее право на всё, что создано природой¹. Цицерон пишет: «...чтобы узнать, каковы естественные основы уз между людьми и человеческим обществом, надо обратиться к более давним временам; ведь первая основа – та, которая усматривается в общности всего рода людского. Связью этой общности служат разум и дар речи, которые посредством наставления, изучения, взаимного общения, обсуждения и принятия решений сближают и объединяют людей, так сказать, в естественное общество» (Цицерон, 2020: 206 (XVI, 50)).

То есть при анализе утопии Мора суть замысла обустройства идеального социального порядка раскрывается через сравнение с естественным состоянием общества, основанным на принципах разума, языка и рациональности. «Содружество, действительно широчайше открытое для людей в их взаимоотношениях, для всех в их отношениях со всеми, – это такое, в котором надо соблюдать общность всего того, что природа произвела на потребу всем людям» (Цицерон, 2020: 207 (XVI, 51)), и которое основано на «естественных» принципах.

В «Утопии» Мор конструирует проект, где нет частной собственности. Незаслуженно упрекаемый за тоталитаризм своего идеального государства, Платон создает его на философско-онтологической основе. Идея «естественного состояния» обнаруживается в принципах устройства государства, содержащих указание на онтологический статус каждого гражданина и его положение в полисе: «Если сапожники станут негодными, испорченными и будут выдавать себя не за то, что они есть на самом деле, в этом государстве еще нет беды. Но если люди, стоящие на страже законов и государства, таковы не по существу, а только такими кажутся, ты увидишь, что они разрушат до основания все государство, и только у них одних будет случай хорошо устроиться и процветать» (Платон, 2007: 225). Определяющее значение социального статуса гражданина имеет врожденная способность к познанию подлинных идей и истины. В обоих случаях утопии апеллируют к естественному состоянию как рациональному и не требующему доказательств.

Проективный характер утопии, то есть направленность на реализацию созданного на бумаге замысла идеального устройства общества, говорит либо о полагаемой авторами связи утопии и реальности, либо вообще об онтологической подоплеке разумения о совершенном общественном устройстве, как в случае с Платоном. Общность утопии и рациональности обнаруживает себя в пространстве культуры и «культурного», которое имеет объективный и онтологический статус. Утопический, пусть даже художественный проект, опирающийся на авторитет традиции, мудрствующей о естественных принципах или естественном состоянии общества, становится идеалом. Близость утопий и идеалов может быть мощным катализатором трансформаций представлений людей об их будущем и влиять на ход истории. «Бред неимущих является генератором событий и источником истории: утопия – толпа безумцев, желающих иного мира на этом свете и немедленно. Именно они вдохновляют утопии, и для них эти утопии пишут. Однако не стоит забывать, что слово “утопия” значит *нигде*» (Чоран, 2023: 106).

К проблеме онтологического статуса утопии отсылает этимология данного понятия: «утопия» дословно переводится как «место, которого нет». Но этому однозначному пониманию и переводу противоречит проективный характер утопического замысла: места еще нет, и его следовало бы создать. Представления о рациональном и ценностно-значимом авторы черпают в культуре. Ее творческий характер перемещивается с проективным во многих смыслах.

Отдельного изучения заслуживает смысл, приписываемый понятиям «утопия» и «антиутопия». Последнее впервые прозвучало в выступлении Джона Стюарта Милля перед британским парламентом 12 марта 1868 г. Он критиковал предлагаемые правительством реформы, которые были рациональны с точки зрения его членов (иначе они бы не выносили их на обсуждение парламента). По мнению Милля, те, кто предложил реформы, – антиутописты, так как «то, что обычно называют утопическим, – это нечто слишком хорошее, чтобы быть осуществимым; но то, что они, по-видимому, одобряют, слишком плохо, чтобы быть осуществимым» (Боусе, 1996).

На наш взгляд, важно отметить, что утопия и антиутопия, противопоставляемые друг другу, имеют в этой антитезе общее место, где они рассматриваются с проективной и рациональной перспектив. Будет ли общество лучше, если претворить в жизнь принципы утопического утилитаризма Милля или антиутопические реформы правительства? И в том, и в другом случае речь идет о проектах.

Мечты о свободном и справедливом обществе в утопиях могут быть достигнуты через набор правил и норм воображаемого общества. Интересен в данной связи «железный закон либерализма, который гласит, что всякая рыночная реформа, всякое правительственное вмешательство с целью уменьшить бюрократизм и стимулировать рыночные силы в конечном итоге

¹ Локшин И. Указ. соч.

приводят к увеличению общего объема регулирования, общего количества бумажной волокиты и общего числа бюрократов, которых привлекает на службу правительство» (Гребер, 2022: 12). Жизнь в свободном обществе возможна только при строгом следовании правилам и увеличении институтов, создающих нормы и следящих за их исполнением. Стремление к свободе оборачивается дисциплинарностью. Продвижение либеральных ценностей влечет за собой контроль и всеподнадзорность. «Предполагается, что существует негласный союз между теми, кого стали считать бедными паразитами, и лицемерными чиновниками» (Гребер, 2022: 13).

Мишель Фуко писал о негласном договоре между богатыми и бедными в пространстве оказания медицинской помощи, где первые устраивают больницы в качестве благотворителей, имея целью получение знаний о болезнях и совершенствование врачебного искусства, а вторые обретают единственный шанс на уменьшение страданий. Внешне все выглядит как взаимная забота членов общества друг о друге, а на поверку речь идет об умалении человеческого достоинства пациента, который не имеет выбора и превращается в объект клинического исследования (Фуко, 2014: 137).

Дэвид Гребер рассуждает о «бюрократизированном представлении свободы» и о том, что «в мире, где все знают правила, все играют по правилам... это такая же утопическая фантазия, как и мир совершенно свободных забав» (Гребер, 2022: 204), которых так боится рациональный современный субъект. Страх хаоса и анархии приводит к доверию проективному характеру правил «справедливых» утопий, невзирая на железный закон либерализма.

Принципы устройства компаний на рынке торговли и услуг, предполагающие свободную конкуренцию и между фирмами, и при продвижении по карьерной лестнице, приводят к тому, что высокие должности при прочих равных занимает индивид с особым набором социальных маркеров. «Вращающаяся дверь» американской армии символизирует процесс, в котором топовые позиции в советах директоров корпораций, выполняющих военные заказы, занимают высокопоставленные офицеры. Фундаментальные принципы бюрократической эффективности и рыночной рациональности одни и те же. Грань между государством и рынком становится совсем невидимой. Глобализация, предполагающая нивелирование границ между государствами и возможность для максимального количества людей быть гражданами мира, на поверку оказывается «первой эффективной административной бюрократической системой планетарного масштаба» (Гребер, 2022: 33).

Утопия имеет как социальное, так и эпистемологическое измерение, поскольку основана на знании. Получение знания, представляемого верным, приносит с собой стремление к его воплощению и реализации: сделать мир лучше. Создаются проекты, где на рациональных основаниях творятся утопии. Техника и технологии, которые стали активно развиваться именно в связи с доминировавшими в эпоху Возрождения и Новое время идеалами антропоцентризма и гуманизма и должны служить человеку, защищать его от опасностей окружающего мира, делать жизнь комфортнее, превратились в реальность, которая корректирует и во многом подчиняет себе человека. Рациональность принципов устройства технических конструкций проецируется на устройство общества (см., напр.: Хабермас, 2007). Эпоха модерна неразрывно связана не только с рационализмом, но и с утопизмом¹. Двойственность рациональности, лежащая в основании утопических идей об улучшении общества, соединенная с имманентным стремлением к их реализации, представляет исследовательский предмет. Необходимы новые методы идентификации утопии.

Устремленность к целям, прошедшим проверку на соответствие рациональным принципам, характеризует современного человека. Издания на полках книжных магазинов призывают быть успешным, эффективным и самоуверенным. Тем же контентом заполнено пространство социальных сетей. Однако самый поверхностный анализ целей, реально стоящих перед человеком, показывает, что они имеют экзистенциальную и иррациональную природу. Только человек и его духовность могут спасти мир от технологической катастрофы. Пока же духовность заблудилась и пытается обрести самость в мире симулякров и потребления.

«Утопия представляет собой смесь наивного рационализма и секуляризованной ангелологии» (Чоран, 2023: 112). Проективный характер утопии укоренен в мечте человека о лучшем мире. Именно надежды на изменения нередко заставляют людей действовать. В таком действии индивиды и группы трансформируют мир и влияют на ход истории. В этой связи интересны рассуждения об истории и утопии в их взаимосвязи. В мире мифов боги ходят среди людей. В мире утопий человек занимает место Бога, опираясь на знания, науку и технику. Сознание человека рисует утопические картины: все будут равны, начнут неукоснительно следовать правилам, «от

¹ См., напр.: Матц У. Идеология как детерминанта политики в эпоху модерна // Полис. 1992. № 1–2. С. 130–142 ; Межуев В.М. Был ли Маркс утопистом? // Межуев В.М. Маркс против марксизма. Статьи на непопулярную тему. М., 2007. С. 33–54 ; Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 6–211 ; Мортон А.Л. Английская утопия / пер. с англ. О.В. Волкова. М., 1956. 278 с. ; Морщихина Л.А. Утопия и утопическое сознание // Мир и человек в философии и искусстве : материалы VIII научной конференции и III педагогических чтений / под ред. М.Ю. Ананченко. Архангельск, 2001. С. 101–107.

каждого – по способностям, каждому – по потребностям» (Введение к Программе Коммунистической партии Советского Союза) или вернуться к «естественному состоянию». «Идея Вико создать “идеальную историю” и обвести ее “вечным кругом” содержится, применительно к обществу, в утопических системах, чьим отличительным свойством является стремление раз и навсегда разрешить “общественный вопрос”» (Чоран, 2023: 133).

Утопию не так просто идентифицировать. Философия науки XX века указала на проблему нефальсифицируемости рациональности. Для демаркации рационального и иррационального, ненаучного и научного необходимо сформулировать базисное проверочное высказывание, указывающее на интерсубъективно и эмпирически наблюдаемый факт, при котором гипотеза будет опровергнута. Однако формула критического рационализма сама не соответствует принципу фальсифицируемости.

Более того, известно по крайней мере два логических аргумента против рациональности. Во-первых, рациональная критика – это сам разум, потому что предмет сравнивается с идеалом, заданным разумом. Но мы получаем логический круг: рациональности исторически меняются, и рациональность критикует рациональность, которая критикуется новой рациональностью. «Мы вращаемся в кругу тавтологий: критика рациональна, если она соответствует рациональности» (Порус, 1996: 244). Во-вторых, на повестке регресс в бесконечность. Рациональной критикой рациональности может быть признана критика, опирающаяся на «метарациональность». Последовательное проведение идеи «метарациональности» приводит либо к регрессу в бесконечности в поисках рациональности *per se*, либо к постулированию «суперрациональности», не подверженной никакой критике (Порус, 1996: 244–245). Однако культура, где постулируется отказ от рациональности, теряет духовность.

Утопию часто путают с идеалом, что приводит к снижению ценности ориентации на идеалы культуры в повседневной жизни современного человека. «Критическое отношение к утопии, ставшее фактом нашей современной духовной ситуации, зачастую прямо переносится на понятие идеала, а признание несостоятельности утопии воспринимается как отказ от идеала вообще» (Лекторский, 1996: 6). Отличие идеала от утопии в том, что она имеет техническое измерение: утопию надо воплотить. К идеалу мы стремимся, совершенствуясь, но он недостижим. Утопия также недостижима, ибо она нигде и место, которого нет. Разница в том, что утопия может стать проектом, а идеал, ставший проектом, уже не идеал, а цель – в конце концов, цель какого-то проекта.

Обладая проективным характером, утопия, означающая место, которого нет, становится проектом того, как должно быть. При этом в построении моделей идеального устройства общества утописты исходят из принципа рационализма и власти знания. Утопия и ценности эпохи модерна похожи изначальной установкой на «разрыв» с прошлым и традицией. Вспомним все разговоры о «неоконченном проекте модерна», указывающие на такие черты современности, как ускорение времени и разрыв с традицией. Высшей ценностью модерна становится обновление и прогресс. Как сказал Филип Грэм: «Газета – первый черновик истории».

Утопия нацелена на разрыв с тем, что есть. В этом смысле она полностью продукт эпохи модерна, который сделал новизну ценностью, а целями объявил безостановочное развитие и прогресс. Но если пойти иным путем, то традиционные ценности (не новизна) и культура, в ядре которых лежит принцип рационализма, определяют цели истории, если таковые имеются, и могут решить «общественный вопрос».

Список источников:

- Аристотель. *Метафизика* / пер. и прим. А.В. Кубицкого. М.; Ленинград. 1934. 352 с.
Гребер Д. Утопия правил: о технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии. М., 2022. 224 с.
Лекторский В.А. Предисловие // *Идеал, утопия и критическая рефлексия*. М., 1996. С. 3–11.
Маркузе Г. *Разум и революция: Гегель и становление социальной теории*. СПб., 2000. 541 с.
Платон. *Собрание сочинений* : в 4 т. / пер. с древнегреч.; под общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса. СПб., 2007. Т. 3, ч. 1. 749 с.
Порус В.Н. Принципы и характеристики рациональной критики // *Идеал, утопия и критическая рефлексия*. М., 1996. С. 243–281.
Фуко М. *Рождение клиники* / пер. с фр. А.Ш. Тхостова. М., 2014. 263 с.
Хабермас Ю. *Техника и наука как «идеология»*. М., 2007. 208 с.
Цицерон М.Т. *Моральные размышления. О старости, о дружбе, об обязанностях*. М., 2020. 290 с.
Чоран Э.М. *История и утопия*. М., 2023. 160 с.
Ясперс К. *Истоки истории и ее цель* / пер. М.И. Левиной. М., 1978. 211 с.
Boyce D.G. A Question of Definition, 1868–1908: Gladstonian Reform, Home Rule and the Unionist Response // *The Irish Question and British Politics, 1868–1996. British History in Perspective*. L., 1996. P. 18–48. https://doi.org/10.1007/978-1-349-24928-2_2.

References:

- Aristotle (1934) *Metafizika* [Metaphysics]. In: Kubitskiy, A.V. (tr. and notes). Moscow; Leningrad. 352 p. (In Russian)
- Boyce, D.G. (1996) A Question of Definition, 1868–1908: Gladstonian Reform, Home Rule and the Unionist Response. In: *The Irish Question and British Politics, 1868–1996. British History in Perspective*. London, pp. 18–48. Available from: doi:10.1007/978-1-349-24928-2_2.
- Choran, E.M. (2023) *Istoriya i utopiya* [History and Utopia]. Moscow. 160 p. (In Russian)
- Cicero, M.T. (2020) *Moral'nye razmyshleniya. O starosti, o druzhbe, ob obyazannostyakh* [Moral reflections. About old age, about friendship, about responsibilities]. Moscow. 290 p. (In Russian)
- Foucault, M. (2014) *Rozhdenie kliniki* [The birth of the clinic]. Moscow. 263 p. (In Russian)
- Greber, D. (2022) *Utopiya pravil: o tekhnologiyakh, gluposti i tainom obayanii byurokratii* [Utopia of rules: on technology, stupidity and the secret joys of bureaucracy]. Moscow. 224 p. (In Russian)
- Habermas, J. (2007) *Tekhnika i nauka kak "ideologiya"* [Technology and science as "ideology"]. Moscow. 208 p. (In Russian)
- Lektorskiy, V.A. (1996) Predislovie [Preface]. In: *Ideal, utopiya i kriticheskaya refleksiya* [Ideal, utopia and critical reflection]. Moscow, pp. 3–11. (In Russian)
- Markuze, G. (2000) *Razum i revolyutsiya: Gegel' i stanovlenie sotsial'noi teorii* [Reason and revolution: Hegel and the rise of social theory]. St. Petersburg. 541 p. (In Russian)
- Plato (2007) *Sobranie sochineniy* [Collected works]. In: Losev, A.F. & Asmus, V.F. (eds.). In 4 vols. Vol. 3, iss. 1. St. Petersburg. 749 p. (In Russian)
- Porus, V.N. (1996) Printsipy i kharakteristiki ratsional'noi kritiki [Principles and characteristics of rational criticism]. In: *Ideal, utopiya i kriticheskaya refleksiya* [Ideal, utopia and critical reflection]. Moscow, pp. 243–281. (In Russian)
- Yaspers, K. (1978) *Istoki istorii i ee tsel'* [The origins of history and its purpose]. Moscow. 211 p. (In Russian)

Информация об авторе

А.М. Желнова – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки философского факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=498650

Конфликт интересов:

автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

A.M. Zhelnova – PhD, Associate Professor at the Department of Philosophy and Methodology of Science, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=498650

Conflicts of interests:

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 22.10.2024;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.11.2024;
Принята к публикации / Accepted for publication 21.01.2025.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.